

DOI10.25991/VRHGA.2020.21.3.019

УДК 245 (276)

*А. В. Антишкин**

ГРИГОРИЙ КОРИНФСКИЙ КАК ТОЛКОВАТЕЛЬ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена литературному наследию византийского писателя XII в. Григория, митрополита Коринфского. В историю византийской литературы Григорий вошел как богослов, ученый и плодовитый комментатор античных авторов. Но наиболее выдающейся стороной его творчества являются его толкования на 23 канона Великих праздников. В качестве комментатора богослужебных канонов Григорий Коринфский совершенно не исследован. В настоящей работе мы предпринимаем попытку рассмотреть комментарии Григория Коринфского на канон Пятидесятницы. Данный комментарий раскрывает содержание канона в целом и объясняет смысл отдельных неясных выражений и фраз ирмосов и тропарей.

Ключевые слова: прп. Иоанн Дамаскин, Григорий, митр. Коринфский; канон на Пятидесятницу, толкования богослужебных текстов.

A. V. Antishkin

GREGORY OF CORINTH AS AN EXEGETE OF HYMNOGRAPHIC TEXTS

The present article studies the literary legacy of Gregory of Corinth, byzantine author and metropolitan of Corinth during the 12th century. Gregory of Corinth is renowned as a theologian, scholar and a prolific commentator of the ancient authors. Perhaps his most notable work is the commentary to the 23 canons on the Twelve Great Feasts. His work as a commentator of liturgical canons has not yet been extensively studied. In the current work we have attempted to analyse the author's commentary to the Pentecost canon. The commentary entirely discloses the content of the canon and it explains the meaning of obscure expressions and sentences from irmi and troparia.

Keywords: John of Damascus, Gregory of Corinth, Pentecost canon, exegesis of liturgical texts.

Такое направление византийской литературы, как толкования на богослужебные каноны, представляет собой одну из самых неисследованных областей

* Антишкин Андрей Викторович, магистр богословия, аспирант кафедры филологии, Московская духовная академия; antishkin.av@gmail.com

в мировой литературе, что обусловлено целым рядом причин. Огромное число текстов находится в рукописях, и их достаточно сложно найти и исследовать. Если же и удастся найти конкретный текст, то его нужно еще расшифровать, что под силу только специалистам-палеографам. Что же говорить об обычном читателе, который в силу своей некомпетентности в этом вопросе не способен к подобной работе? Несмотря на это, в исследовательской литературе комментариев на каноны уделяется некоторое внимание [26, р. 161–383; 30; 19, р. 279].

В настоящей статье мы рассмотрим творчество одного из комментаторов богослужебных канонов, Григория, митрополита Коринфского (XII в.), в частности более подробно остановимся на его толковании канона на Пятидесятницу.

ГРИГОРИЙ КОРИНФСКИЙ: БИОГРАФИЯ И ТРУДЫ

Биографические сведения о митрополите Григории Коринфском, или Григории Пардосе, весьма скудные. Даже определение времени его жизни долго оставалось предметом научной дискуссии. Британский лингвист Р. Н. Робинс полагал [31, р. 163], что временные рамки деятельности Григория Коринфского помещаются между 2-й половиной XII и 1-й половиной XIII в. [10, р. 13; 25, S. 55; 7, р. 13; 22, S. 15; 4, S. 248; 21, р. 87; 2, с. 113]. По мнению итальянского исследователя Ф. Монтаны, Григорий жил в период между 1092 и 1156 гг. [11, р. 9]. Карл Крумбахер и позднейшие исследователи обходили стороной вопрос хронологии, обращая внимание в первую очередь на деятельности Григория Пардоса в качестве ратора и грамматика [5, S. 148].

Рассматриваемый нами автор известен сразу под двумя именами: Григорий и Георгий. В рукописных текстах он подписан как Григорий Коринфский или Григорий Пардос (Πάρδος). Имя Георгий было дано ему при крещении, а Григорий — при монашеском постриге. Пардос — это его отчество [7, р. 14]. Греческий исследователь А. Коминис, автор обобщающей работы о жизни Григория Коринфского, пишет, что Григорий получил классическое образование, основанное на христианских началах [23, σ. 249]. Уже занимая Коринфскую кафедру, он написал ряд произведений, посвященных филологическому и риторическому анализу памятников греческой античной литературы. Читателями таких сочинений могли быть начинающие византийские риторы, которые нуждались в некотором руководстве и пособиях по античной риторике. В XII в. в Константинополе существовала Патриаршая школа, которая имела важное значение для развития всей последующей византийской культуры. В этом учебном заведении преподавали известные писатели и поэты, например, учитель грамматики Никита Хониат, свт. Евстафий Фессалоникийский и др. Известно, что до принятия епископского сана Григорий преподавал в этой школе риторiku и грамматику [6, р. 168].

Исследователи затрудняются определить срок пребывания Григория на митрополичьей кафедре. Согласно Р. Браунингу, расцвет его творчества падает приблизительно на 1120–1150 гг. [6, р. 19–20], когда Григорий был преподавателем в Патриаршей школе. На этом посту он достиг довольно больших успехов. В сочинении «О своеобразии диалектов» (Περὶ τῶν ἰδιωμάτων τῶν

διαλέκτων) [10] Григорий составил подробное описание диалектов и идиоматических оборотов греческого языка [6, р. 10]. В основу этой работы были положены сочинения античного грамматика I в. до Р. Х. Трифона и философа VI в. Иоанна Филопона. Возможно, Григорий был одним из первых писателей поздней Византии, которые после долгого перерыва вновь заинтересовались исследованием греческих диалектов [34, р. 187]. В указанном сочинении Григория приводится подробное описание каждого литературного диалекта греческого языка классического периода: аттического, дорического, ионийского и эолийского. Известно, что наш автор был знаком со словарями и схолиями к Пиндару, Аристофану, Феокриту.

В трактате «О составлении речи» (Περὶ συντάξεως λόγου) [5] Григорий коснулся отдельных вопросов греческой грамматики и синтаксиса, сделал обзор восьми частей речи: существительных, глаголов, причастий, артиклей, местоимений, предлогов, наречий, союзов. Кроме того, в этом сочинении содержатся заметки о правописании, основах словообразования и правилах склонения и спряжения.

Григорий Коринфский является автором неопубликованного трактата «О конструкции фраз». «Трактат о риторических фигурах» (Περὶ τροπῶν ποιητικῶν) [17, S. 215–226] возможно, ему не принадлежит. Также он составил «Трактат о языке Сапфо» (Περὶ τῆς Σαλφοῦς διαλέκτου) [3, р. 79–102]. В сочинении «О четырех частях совершенной речи» (Περὶ τῶν τεσσάρων μερῶν τοῦ τελείου λόγου) [12, S. 1080–1082] Григорий говорит о том, из каких частей должна состоять идеальная риторическая речь. Трактат «О том, как читать риториков и прочих» (Περὶ τοῦ πῶς δεῖ ἀναγινώσκειν ῥήτορας καὶ τοὺς λοιπούς) [16, р. 562–564] содержит рекомендации относительно того, как следует составлять свои сочинения, дабы они обрели популярность среди читателей. Григорий пишет, что работа должна содержать риторические и философские рассуждения. В качестве примера он приводит работы древнегреческого писателя и философа II в. Плутарха, ратора и философа IV в. Фемистия, свт. Василия Великого, свт. Григория Богослова, свт. Григория Нисского, письма Михаила Пселла, и многих других [34, р. 186].

Сочинение «Взятое у некоторых мудрецов для примера на каждый вид речей» (Τίνας τῶν σοφῶν παραληπτέον εἰς παράδειγμα ἐκάστου εἶδους τῶν λόγων) [19, р. 187–202] представляет собой перечисление выдающихся образцов христианской риторики: от свт. Григория Богослова до Михаила Пселла. В сочинении «О письмах» (Περὶ ἐπιστολῶν) [18, р. 236–248] Григорий пишет о том, на какие примеры нужно ориентироваться при написании литературного рассказа, речи или письма: по мнению автора — это сочинения Либания, свт. Василия Великого, свт. Григория Богослова и Михаила Пселла.

Сочинение «О ямбических стихах» (Περὶ στίχων ἰαμβικῶν) [13, р. 559–560] представляет собой восхваление этого стихотворного размера. Григорий указывает на поэтическое величие, которое создает ямбический размер, и говорит о том, что в истории византийской литературы были писатели, которые свои стихи составляли именно в ямбическом размере. Например, Григорий упоминает византийского поэта и медика XII в. Николая Калликла, автора ямбических эпиграмм, монодий и эпитафий, писателя и поэта Феодора

Продрома, который написал стихотворение в ямбических триметрах: «Против Вариса, оскорбившего меня именем еретика». К этому списку можно прибавить также Михаила Пселла, который не упомянут Григорием, но также является автором парафраза на канон Великого Четверга в ямбическом размере.

В сочинении «О героических стихах» (Περὶ στίχων ἡρωϊκῶν) [15, р. 573–574] Григорий говорит о том, что самые лучшие стихи этого размера — это сочинения Гомера, Оппиана, Дионисия Периегета, который написал дидактическую поэму (1187 гекзаметров), и других авторов [21, S. 102–108].

Григорий написал большое количество произведений и в других жанрах. Например, ему принадлежит комментарий к одному из сочинений Гермодена «О методе доказательства» (Περὶ μεθόδου δεινότητος) [14, р. 537–539] и небольшой трактат о неправильностях речи [24, S. 588].

Риторические труды Григория Коринфского довольно часто цитируются в позднейшей традиции [33, S. 547–558; 32, S. 255]. Его имя встречается в более чем 40 рукописных списках, содержащих византийские трактаты по риторике и грамматике, но начиная с эпохи Возрождения (XV в.) сочинения Григория постепенно стали забываться, а его произведения использовались уже редко [34, р. 185].

КОММЕНТАРИИ ГРИГОРИЯ КОРИНФСКОГО НА БОГОСЛУЖЕБНЫЕ КАНОНЫ

Важное место в творчестве Григория Коринфского занимали толкования (комментарии) на богослужебные каноны, посвященные главным христианским праздникам. Он составил комментарии к 23 канонам, принадлежащим в основном перу прп. Космы Маюмского и прп. Иоанна Дамаскина:

1. Канон прп. Иоанна Дамаскина на Богоявление
2. Канон прп. Космы Маюмского на Богоявление
3. Канон прп. Космы на Воздвижение Креста Господня
4. Канон прп. Космы на Рождество Христово
5. Ямбический канон прп. Иоанна Дамаскина на Рождество Христово
6. Канон прп. Космы на Сретение Господне
7. Канон на праздник Входа Господня в Иерусалим
8. Канон на Великий Понедельник
9. Канон на Великий Вторник
10. Канон на Великую Среду
11. Канон на Великий Четверг
12. Канон на Великую Пятницу
13. Канон Марка и прп. Космы на Великую Субботу
14. Канон прп. Иоанна Дамаскина на Святую Пасху
15. Канон на Антипасху (Фомина неделя)
16. Канон на Вознесение Господне
17. Канон прп. Космы на Пятидесятницу
18. Ямбический канон прп. Иоанна Дамаскина на Пятидесятницу
19. Канон прп. Космы на Преображение Господне
20. Канон прп. Иоанна Дамаскина на Преображение Господне

21. Канон прп. Космы на Успение Пресвятой Богородицы
22. Канон прп. Иоанна Дамаскина на Успение Пресвятой Богородицы
23. Канон на Благовещение Пресвятой Богородицы [11, р. 21].

Согласно базе данных интернет-ресурса Pinakes [29], который позволяет проследить места хранения рукописей, сочинения Григория Коринфского разбросаны по восьми странам и находятся в тридцати манускриптах.

Комментарии Григория представляют собой пересказ текста с цитированием Священного Писания, творений святых отцов и античных авторов. Каждый комментарий начинается с введения, где автор указывает на праздник и называет автора канона, на который составлен комментарий. Далее следует описание акростиха. Такой порядок комментирования встречается в канонах на Рождество Христово, Богоявление и Пятидесятницу. Из святых отцов Григорий цитирует свт. Григория Назианзина, свт. Василия Великого, из античных авторов — чаще всего, Гомера. Каждый комментарий заканчивается молитвенным призыванием Св. Троицы, Которая будет пребывать во все дни до скончания века.

ТОЛКОВАНИЕ ГРИГОРИЯ КОРИНФСКОГО НА КАНОН ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

Из 23 комментариев Григория Коринфского в настоящее время издан лишь один комментарий на ямбический канон прп. Иоанна Дамаскина на Пятидесятницу [9, S. 18; 34, р. 185; 27, S. 110]. Канон написан довольно редким для византийской гимнографии шестистопным ямбом — 12-сложным размером, где ударным слогом являлся каждый второй. Григорий Коринфский не сомневается в авторстве прп. Иоанна Дамаскина [1, с. 122], хотя в древней рукописной традиции канон иногда приписывается некоему Иоанну из Арклы (Аркла — местечко, находящееся недалеко от Дамаска, поэтому авторство Иоанна Дамаскина исключать нельзя). Иного подхода к авторству канона придерживается свт. Евстафий Фессалоникийский: он считает, что канон не может принадлежать Дамаскину вследствие стилистических различий [8, col. 503–754].

Единственный современный перевод толкования на канон Пятидесятницы был осуществлен ученым Фаустом Монтаной на итальянский язык [28, р. 1–85]. По его мнению, комментарии Григория к трем ямбическим канонам (на Рождество Христово, Богоявление и Пятидесятницу) были составлены до 1125 г. [28, р. 34].

Комментируя канон на Пятидесятницу, Григорий Коринфский использует большое количество риторических тропов: эпитеты, сравнения, риторический вопрос, аналогию, перифраз, цитацию и др. Прежде всего Григорий указывает на автора канона, прп. Иоанна Дамаскина, известного также под именем Иоанна Монаха. Далее он обращает внимание на то, что канон имеет *акростих*. Вот этот акростих:

Рожденное от Бога Слово, Духа Утешителя от Себя иного / из недр Родителя
Ты послал живущим на земле / Духа невещественного Божества / как бы языками

огня, носящего знак невещественного Божества, / Твоей природы, и благодать составителям песен [11, р. 2].

Он необычно длинный, потому что образуется не по первым буквам каждого тропаря, но по первым буквам каждой строки тропаря. Примечательно также то, что первые буквы самого акростиха также образуют акростих: «Бог» (Θεός).

В начале комментария Григорий раскрывает причину, заставившую его заняться толкованием канона на Пятидесятницу: этот канон имеет много необычных и незнакомых слов, сложный синтаксис, которые понятны не всем. Григорий подчеркивает, что очень полезно для любого человека размышлять о добродетели, но не нужно стремиться познавать то, что выше умственных способностей человека, поэтому автор говорит, что он сам прокомментирует только то, что находится в пределах его сил и способностей [11, р. 8].

В первом тропаре первой песни Григорий обращает внимание читателя на то, что прп. Иоанн в тропаре, повествующем о разлуке Христа с учениками, вначале не называет прямо Христа, а использует *перифразу*: «*Говорили священные и благочестивые уста*» (Ἐφη τὸ σεπτὸν καὶ σεβάσιμον στόμα) [11, р. 12]. Это не прямое описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей. Под священными и благочестивыми устами подразумевается Господь, а Григорий добавляет, что «тем самым он (поэт), вставляя поэтический троп, перифразу, посредством него формирует стихотворную строку, одновременно принося Владыке похвалу за Его силу» (Ὁμοῦ τε τὸν ποιητικὸν τρόπον ἐκκληρῶν, τὴν περίφρασιν, καὶ ταύτη τὸ ἔπος περαινῶν, ὁμοῦ δὲ καὶ τὸν εἰς δύναμιν ἔλαινον προσάγων τῷ Δεσπότη) [11, р. 13–14; 18].

В толковании на ирмос пятой песни Григорий говорит, что прп. Иоанн использует составное слово, которого нет в словаре, т. е. гапакс. Например, прп. Иоанн использует слово γλωσσόπυρρόμορφος, это составной неологизм, который можно перевести как «огненные языки». Затем Григорий говорит, что «прп. Иоанн заслуживает похвалы за его способность выдумывать такие слова» [11, р. 40].

В первом тропаре восьмой песни Григорий говорит о Святом Духе, используя *библейскую аналогию* из Нового Завета. Автор цитирует евангелие от Иоанна, в котором Господь говорил апостолам о Святом Духе: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14: 26). Далее Григорий задает *риторический вопрос* о том, как Святой Дух сможет осознать слова, которые изрек апостолам Спаситель. И отвечает на него таким образом, что «Святой Дух поселится в апостолах в форме огненных языков» [11, р. 70].

В ирмосе девятой песни прп. Иоанн прославляет Божию Матерь, используя *эпитет*. По толкованию Григория, гимнограф говорит о том, что Богородица является славой девственниц и матерей (Χαίροις, Δέσποινα, δόξα τῶν παρθένων καὶ μητέρων) [11, р. 78] и что «никакие уста, красиво и мудро движимые, говорящие и витийствующие, не способны достойно воспевать Тебя (Богородицу)» (Ἄπαν γὰρ καλῶς καὶ σοφῶς κινούμενον καὶ λαλοῦν στόμα καὶ ῥητορεῖον οὐ δύναται

σε ὑμνεῖν ἀξίως) [Ibid, p. 78]. В конце толкования Григорий пишет: «Поэтому мы с великим желанием прославляем Тебя, хотя и не способны никоим образом достичь похвал, достойных Тебя» (Ὅθεν σε μετὰ πόθου δοξάζομεν τῶν πρὸς ἀξίαν σου ἐλαίων οὐδόλωσοῦν ἐφικνεῖσθαι δυνάμενοι) [11, p. 78].

По словам толкователя, заключительный тропарь канона на Пятидесятницу «содержит благодарение поэта и вместе с богословием славословие святой и единосущной Троице» (Εὐχαριστίαν ἐπέχει τὸ παρὸν τροπάριον καὶ μετὰ θεολογίας δοξολογίαν τοῦ ποιητοῦ τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου Τριάδος) [11, p. 82]. Также Григорий выражает желание «удостоиться нам Ее (Святой Троицы) озарения» (Ἦς καταξιώθειμεν τῆς ἐλλάμψεως) [Ibid, p. 84]. В конце тропаря автор воздает обычное священническое славословие Отцу, Сыну и Святому Духу (Χάριτι καὶ φιλανθρωπίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος σὺν τῷ παναγίῳ καὶ ἀγαθῷ καὶ ζωοποιῷ αὐτοῦ Πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν.) [11, p. 84].

Фонетика и морфология

В области фонетики в тексте комментария не прослеживаются каких-либо значительных отклонений от классической нормы, ориентированной на аттический диалект. В частности, встречается такое общегреческое явление, как красис (κάνταῦθα).

Самым интересным является слияние двух слов κατὰ и αὐτός после элизии (отпадение конечного гласного перед начальным гласным следующего слова): ὃν δὴ καὶ ὑπηγόρευσε τῷ Ἰσραηλίτῃ λαῷ ζῆν ὀφείλοντι κατ' αὐτὸν καὶ οὕτως εὐαρεστεῖν τῷ Θεῷ [11, p. 10] — «который затем объявил людям Израиля, которые должны были жить, считая себя обязанным Ему, и поэтому угождали Богу».

Морфология текста комментария отражает в основных чертах нормы аттического диалекта с соответствующими его особенностями.

Необходимо отметить и некоторые изменения, характерные для языка эллинистического и византийского периодов истории греческого языка. Например, автор использует дорическую форму ἀγιάσαι от глагола ἀγιάζω (освящать).

Митр. Григорий использует сложную форму οὐδόλωτερος вместо привычной ὀλότερος (один из обоих).

Автор употребляет слова, характерные для лексики Гомера: ἰάτο от глагола ἰάομαι (исцелять, оздоравливать), δῶς от глагола δίδωμι (давать, отдавать, ниспосылать), γλώσσησιν от γλῶσσα (язык), употребительную в греческом койне эллинистической эпохи, форму γίγεται от глагола γίγνομαι (рождаться).

Синтаксис

Синтаксис митр. Григория достаточно простой, автор избегает сложных синтаксических конструкций, свойственных древнегреческому языку. Это в очередной раз подчеркивает, что комментарий был адресован простым верующим, которые не знали тонкостей древнегреческого языка, а стремились уяснить смысл богослужебных текстов, одним из которых был канон на Пятидесятницу.

Отметим некоторые особенности, которые все-таки имеют место в комментарии. Особый интерес представляют случаи употребления винительного

содержания, или внутреннего объекта (accusativus objecti interni). Нередко в подобном аккузативе существительное употребляется с тем же корнем, что и глагол: *δώσω αὐτὸ δῶτὸν ἐνώπιόν σου πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐτοῦ* [11, p. 20] — «я принесу тебе этот дар за все дни его жизни». Винительный внутреннего объекта обычно употребляется для усиления впечатления на читателя или слушателя (ср. в русском языке: думу думать, горе горевать).

В анализируемом тексте встречается такое распространенное в древнегреческом языке явление, как аттракция относительного местоимения в определительном предложении — *ἐκεῖνος ὑμᾶς διδάξει πάντα καὶ ὑπομνήσει ὑμᾶς πάντα ἃ εἶπον ὑμῖν* [11, p. 70] — «Он научит вас всему и напомнит вам обо всем, что я вам сказал».

Необходимо отметить и оборот с глаголом *ἔχω* («иметь»). В сочетании с наречием он имеет значение состояния: *πλὴν ἀλλ' ἐπαινετῶς ἔχων ἐστὶν ὅτι πρὸς τιμὴν τῆς τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐπιφοιτήσεως οὕτως συντέθεται φιλοπόνως καὶ ἀξιοσπουδᾶστως* [11, p. 6] — «но похвалы достойно описание явления Святого Духа, оно было составлено тщательным и достойнейшим способом».

В целом синтаксис митрополита Григория Коринфского соответствует аттической классической норме древнегреческого языка.

Лексика

Лексика комментария в целом также соответствует классическому греческому языку. Однако встречаются особенности, свойственные более позднему периоду развития греческого языка.

К лексике койне словари относят *ἀκένωτος* (неистоимый, неиссякаемый), *ἀπαράλλακτος* (неизменный), *ἀστήρικτος* (не имеющий опоры, слабый), *ὁ ὀρατής* (зритель), *ὀδηγέω* (быть проводником, вести, провожать), *ἐπαπαύομαι* (покоиться, опираться), *νεοουργέω* (делать новым, обновлять), *ἀμετάθετος* (неизменный).

Влияние койне прослеживается и в употреблении предлога *εἰς* с винительным падежом в значении *ἐν* («в» о местонахождении): *ἐγὼ γὰρ εἰς τὸν πατρικὸν θρόνον ἀνελθὼν οὐπερ ἀπελείφθην οὐδέποτε* — «ибо я восшел на трон Отца, который я никогда не покидал».

Текст представляет нам и случаи синонимии. Во вступлении к комментарию находим такое выражение: *οἷον ὁμοφυῆ καὶ ὁμογενῆ καὶ ὁμοούσιον σοὶ καὶ τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ* [11, p. 4] — «поскольку он имеет одну и ту же единственную, родственную природу с безначальным Своим Духом». Существительные *ὁμοφυής* («одной и той же природы»), *ὁμογενής* («одного и того же рода») и *ὁμοούσιος* («единосущный») в своих словарных значениях являются тождественными понятиями и полностью соответствуют определению понятия «синоним», под которым понимается полное или частичное совпадение значения слов. Другой пример: *Ἡ θεικὴ καὶ βασιλικωτάτη τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀστράτη καὶ ἔλλαμψις ἀκατάληπτος ἐστὶ καὶ ἀκατανόητος* [11, p. 24] — Божественная и самая драгоценная молния, и озарение Святого Духа неуловима и недоступна для разума». Мы видим, что существительные *ἀκατάληπτος* (непостижимый, непонятный) и *ἀκατανόητος* (непонятный, непостижимый) равны по своему значению и с их помощью автор избегает однообразия речи в комментарии.

Яркие случаи использования антонимов связаны с созданием человеческой природы: τῆ ἐξ ἀοράτου καὶ ὁρατῆς φύσεως συντεθειμένη καὶ διηρησμένη ἡμῶν φύσει [11, р. 32] — «из нашей сложной природы, сформированной из невидимой и видимой части». Здесь антонимы являются однокоренными словами. Первый — ἀοράτου содержит отрицательную ἀ- и переводится в данном контексте как «невидимый», а второй член противопоставления ὁρατῆς имеет первое значение «зритель», но в данном контексте буквально перевод этого слова звучит как «видимый». Другой пример: φυλαττομένης ἐκάστῳ τῆς ιδιότητος τῆς ἀγεννήσιας καὶ τῆς γεννήσεως καὶ τῆς ἐκπορεύσεως [11, р. 36] — сохраняя при этом свойство каждого из Них: нерождения, рождения и исхождения. Антонимы в данном случае также имеют общий корень γενν- (происхождение, начало, род). Третий пример: καὶ καθαρῶ ἐξ ἀκαθάρτων καὶ πιστοὶ ἐξ ἀπίστων ἐκ σαρκικῶν τε πνευματικῶν γεγονότες [11, р. 82] — «и становящиеся чистыми от нечистых и верными от неверных и духовными из плотских». Эти антонимы оттеняют, поляризуют значения друг друга, при этом сами лексемы являются нейтральными по стилистической окраске.

Таким образом, анализ лексики митрополита Григория выявляет свои особенности. Лексический запас в целом является характерным для классического литературного греческого языка, но четко прослеживается и влияние лексики языка койне. Обилие синонимов и антонимов, характеризующих с разных сторон описываемые реалии, их тонкое соотношение являются доказательством прекрасного образования автора и использования им для работы всех средств языка.

Стилистический аспект перевода

В анализируемом тексте преобладает рассуждение как тип речи, для которого характерны строго логическое развитие повествования с посылками и следующими из них заключениями. Ему присуща доказательность, т. е. все выводы обладают аргументационной базой. Эти черты определяют стиль текста как научный, для которого характерны предложения с использованием однородных членов, разные типы сложных предложений с подчинительными союзами, обилие вводных предложений с целью внесения большей ясности.

Приведем лишь несколько примеров: πόλπυσμα δὲ ποιητικὴ ἐστὶ φωνὴ παρὰ τὴν τοῦ ἤχου ιδιότητα λεγομένη πόλπυζειν γάρ ἐστὶ τὸ «πλυ πλυ» λέγειν, ὡς εἴθισται πολλοῖς τῶν ἀνθρώπων ἐφ' ἴπποις λέγειν [11, р. 56] — Пόλπυσμα — поэтический словесный образ, придуманный имитацией свойства эха: фактически, πόλπυσμα эквивалентен «пу пу», который обычно используется многими людьми, чтобы погонять лошадей. В данном случае автор раскрывает для современников значение слова, которое, видимо, уже вышло из употребления. Необходимо отметить, что существительное «πόλπυσμα» имеет значение «посвистывание», «причмокивание», что является звукоподражательной лексикой. Этот прием относится к средствам художественной выразительности. Другой пример: περίφρασις ἐστὶν ὁ πρῶτος ἱαμβος τοῦ παρόντος τροπαρίου ἢ δὲ περίφρασις ἐκ περὶ τῶν γίνεται λέξεων, ὡς τὸ «ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο» καὶ «βίη Πρακληίη», ἧγουν τοῖς ὑποκειμένοις προσώποις [11, р. 12] — первый из этих тропарей — это ямбический парафраз: парафраз состоит из переизбытка слов, что эквивалентно

высказыванию «сила святого Алкиноя» и «сила Геракла», и выполняет функцию придания большего блеска соответствующим символам. Здесь автор вновь раскрывает значение слова «парафраз», которое, видимо, было непонятно его современникам.

Но есть некоторые элементы, которые выходят за рамки научного стиля, предполагающего только строгую логику, но не эмоциональность и образность повествования. Автор использует художественные образы, а иногда и эмоционально побуждает читателя к размышлению и действию риторическими вопросами и восклицаниями, активно прибегает к средствам художественной выразительности.

Одним из них является такой прием, как аллитерация: Ὅτι τῶν παθῶν ἕκαστον ἐκστατικόν ἐστίν [11, р. 60] — «потому что каждая из страстей заставляет его выходить из себя».

Достоинны внимания и случаи использования корней, близких между собой по разным признакам. В выражении ἡ διὰ τῆς εἰδωλολατρίας ὑμῶν ἡλλοτριωμένη καὶ ἀπεξενωμένη [11, р. 72] — «она была отчуждена и сделалась врагом из-за вашего идолопоклонства» — можно увидеть игру слов на основе одинакового звучания корней. При этом слова εἰδωλολατρίας (идолопоклонство) и ἡλλοτριωμένη (отчуждать, отнимать) имеют только внешнее сходство при разных значениях (омонимия). Здесь можно усмотреть и такое явление, как народная этимология, когда на основе внешнего сходства интуитивно предполагается происхождение одного от другого. Подобная игра слов работает на смысл высказывания и оказывает эмоциональное воздействие, усиливая впечатление.

Еще одним признаком художественного текста являются риторические вопросы, представленные в анализируемом тексте в большом количестве. Приведем несколько примеров: πῶς δὲ κατασκευάζει τὸ Πνεῦμα ὑμῖν τὴν μνήμην αὐτῶν; ἐν εἶδει πυρίνων γλωσσῶν, ἐπικαθήμενον δηλονότι καὶ μένον ἐν ὑμῖν [11, р. 70] — «Как Дух готовит вас, чтобы вы помнили об этих (событиях)? В виде огненных языков зримо снизойдя и оставаясь в вас». Другой пример: Πνεῦμα ποῖον; τὸ ἄκτιστον κατὰ σέ, τὸ συνδημιουργὸν καὶ συμπλαστοουργὸν καὶ σύνθρονόν σου, ὃ λέμψας ὡς ὑπέσχου πιστοῖς καὶ βεβαιοῖς τὴν ἐνανθρώπησίν σου καὶ ταύτης τιμὴν [11, р. 76] — «Какой дух? Несотворенный, как Ты, Сотрудник, Сотворец и вместе с Тобой Восседающий на троне, Которого Ты послал, чтобы подтвердить верующим и верным воплощение Твое и его Славу». В этом примере мы видим, что Григорий Коринфский использует подряд три слова с одной приставкой συν: συνδημιουργός (сотрудник, помощник), συμπλαστοουργός (сотворец, совместно творящий, лепящий) и σύνθρονος (вместе восседающий на троне), чтобы подчеркнуть единство Ипостасей Духа и Сына в Божественной Триаде. Риторический вопрос усиливает эмоциональное впечатление и вызывает читателя на размышление.

Из всего вышесказанного можно заключить, что основой анализируемого текста является научный стиль, отвечающий задаче автора изложить в точности и изъяснить для современных ему читателей смысл праздника Пятидесятницы, но для удовлетворения и эстетического чувства читателей автор в толковании прибегает к элементам художественности.

Итак, филологический анализ текста комментария Григория Коринфского на канон Пятидесятницы показывает, что автор владел как аттическим диалектом древнегреческого языка, так и более поздним — койне. Базовым языком текста является классический греческий язык в аттическом варианте, Григорий использует все его средства: синтаксические, морфологические, лексические и фонетические.

Стилистической основой текста комментария является научный стиль, при помощи которого автор точно изложил и изъяснил как для своих современников, так и для читателей нашего времени смысл канона на Пятидесятницу. Но текст комментария богат и другими элементами художественной выразительности: перифраз, библейская аналогия из Нового Завета, эпитет. Также автор использует прием постановки риторического вопроса, что делает текст более живым и понятным для читателя.

Перспективы исследования в данной области заключаются в дальнейшем переводе, анализе и публикации комментария Григория Коринфского на канон Пятидесятницы для получения более глубоких сведений о языковых особенностях автора. Подобная работа позволит ввести в оборот новый текст богословского содержания, который является необходимым источником научного исследования текстов византийской гимнографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каждан А. П. История византийской литературы (650–850 гг.). — СПб.: Алетейя, 2002.
2. Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета: IX — XV вв. — М.: Наука, 1978.
3. Aphonii Progymnasmata... Accessit Gregorii Corinthi ut fertur de Sapphonis dialecto libellum. — Leipzig, 1839. — Vol. 1. — P. 79–102.
4. Becares V. Ein unbekanntes Werk des Gregorios von Korinth und seine Lebenszeit // Byzantinische Zeitschrift. — 1988. — Bd. 81. — S. 247–248.
5. Bogiatzides J. K. Γρηγόρη μητροπολίται Κορίνθου // Byzantinische Zeitschrift. — 1912. — Bd. 21. — S. 145–149.
6. Browning R. The Patriarchal School in Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion. — 1962. — Vol. 32. — P. 167–202; 1963. — Vol. 33. — P. 11–40.
7. Donnet D. Le traité *Περὶ συντάξεως λόγου* de Grégoire de Corinthe. Étude de la tradition manuscrite (Greek text, French translation and commentary). — Bruxelles; Rome: Institut historique belge de Rome, 1967. (Études de philologie, d'archéologie et d'histoire anciennes. 10).
8. Eustathii Thessalonicensis Metropolitae. Expositio hymni pentecostalis Damasceni // Patrologiae Cursus Completus. Ser. Graeca / ed. J. P. Migne: T. 1–161. — T. 136. — Col. 503–754.
9. Giannouli A. Die beiden byzantinischen Kommentare zum Grossen Kanon des Andreas von Kreta: eine quellenkritische und literarhistorische Studie. — Wien: StudiesVerlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007.
10. Gregorii Corinthii. Et aliorum grammaticorum libri de dialectis linguae Graecae / ed. G. H. Schäfer. — Leipzig: A. G. Weigel, 1811.
11. Gregorio di Corinto. Esegese al canone giambico per la Pentecoste attribuito a Giovanni Damasceno / ed. F. Montana. — Pisa: Giardini Editori e Stampatori. (Biblioteca di studi antichi. 76), 1995.

12. Gregorius Corinthius. Περὶ τῶν τεσσάρων μερῶν τοῦ τελείου λόγου / ed. I. Bekker. *Anecdota Graeca*. — Berlin, 1821. — Bd. 3. — S. 1080–1082.
13. Gregorius Corinthius. Περὶ στίχων ἱαμβικῶν / ed. C. Walz // Walz C. *Rhetores Graeci*. — Stuttgart: J. G. Cotta, 1834. — Vol. 3. — P. 559–560.
14. Gregorius Corinthius. Περὶ μεθόδου δεινότητος / ed. C. Walz // Walz C. *Rhetores Graeci*. — Stuttgart: J. G. Cotta, 1834. — Vol. 9. — P. 537–539.
15. Gregorius Corinthius. Περὶ στίχων ἠρωϊκῶν / ed. C. Walz // Walz C. *Rhetores Graeci*. — Stuttgart: J. G. Cotta, 1834. — Vol. 3. — P. 573–574.
16. Gregorius Corinthius. Περὶ τοῦ πῶς δεῖ ἀναγινώσκειν ῥήτορας καὶ τοὺς λοιπούς / ed. C. Walz // *Rhetores Graeci*. — Stuttgart: J. G. Cotta, 1834. — Vol. 3. — P. 562–564.
17. Gregorius Corinthius. Περὶ τροπῶν ποιητικῶν / ed. L. Spengel // *Rhetores graeci ex recognitione Leonardi*. — Leipzig: Teubner, 1856. — Bd. 3. — S. 215–226.
18. Gregorius Corinthius. Περὶ ἐπιστολῶν / ed. D. Donnet. *Le Traité Peri συντάξεως λόγου de Grégoire de Corinthe, Etude de la tradition manuscrite, édition, traduction et commentaire*. — Bruxelles; Rome: Academia belgica, 1967. — P. 236–248.
19. Gregorius Corinthius. Τίνας τῶν σοφῶν παραληπτέον εἰς παράδειγμα ἐκάστου εἴδους τῶν λόγων / ed. D. Donnet. *Le Traité Peri συντάξεως λόγου de Grégoire de Corinthe, Etude de la tradition manuscrite, édition, traduction et commentaire*. — Bruxelles; Rome, 1967. — P. 187–202.
20. Hörandner W. Beobachtungen zur Literasthebiek der Byzantiner. Einige byzantinische Zeugnisse zu Metrik und Rhythmik // *Byzantinoslavica*. — 1995. — Vol. 56. — S. 279–290.
21. Hörandner W. Pseudo-Gregorios Korinthios, Über die vier Teile der perfekten Rede // *Medioevo greco*. — 2012. — Vol. 12. — P. 87–131.
22. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. — München: C. H. Beck, 1978. — Bd. 1–2.
23. Κομίνης Α. Γρηγορίου τοῦ Κορινθίου ἐξηγήσεις εἰς τοὺς ἱεροὺς λειτουργικοὺς κανόνας Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ καὶ Κοσμά τοῦ Μελωδοῦ. — München: C. H. Beck, 1958.
24. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. — München: C. H. Beck, 1897.
25. Maas P. Zur Datierung des Gregorios von Korinth // *British Numismatic Journal*. — 1921. — Vol. 2. — S. 53–55.
26. Mai A. *Spicilegium Romanum. Commentarius in hymnum pentecostalem S. Iohannis Damasceni*. — Romae: Typis Collegie Urbani, 1841.
27. Mavrommatides P. Unbekannte Handschriften des Kommentars des Gregorios Pardos zum Canon Pentecostalis von [Iohannes Damaskenos] // *Lesarten: Festschrift für Athanasios Kambylis zum 70. Geburtstag dargebracht von Schülern, Kollegen und Freunden Vassis, Ioannis*. — Berlin, 1998. — S. 110–118.
28. Montana F I «*Canoni giambici*» di Giovanni Damasceno per le feste di Natale, Teofania e Pentecoste nelle esegesi di Gregorio di Corinto // *Koinonia*. — 1989. — Vol. 13. — P. 31–49.
29. Online resources Pinakes: <https://pinakes.irht.cnrs.fr/>
30. Pitra J. B. *L'Hymnographie de l'Église grecque*. — Rome: *Analecta sacra*, 1967.
31. Robins R. H. *The Byzantine Grammarians: Their Place in History*. — Berlin: De Gruyter, 1993.
32. Spengel R. *Rhetores graeci*. — Leipzig: B. G. Teubner, 1853–1856. — Vol. 3. — 255 S.
33. Walz C. *Rhetores Graeci*. — Stuttgart: J. G. Cotta, 1834. — Vol. 3. — S. 547–558.
34. Wilson N. G. *Scholars of Byzantium*. — London; Baltimore: Duckworth, 1983.